

БАЛЕТ
ПЕРСОНА

Дмитрий Александрович Брянцев — один из самых известных балетных людей в России. Много лет руководит балетной труппой Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. **Недавно Брянцев открыл свой собственный балетный театр хореографических миниатюр под названием «ENTERDANCE» («Открытый танец»).** Театр открылся балетом «Призрачный бал» на музыку Шопена, который тут же признали лучшим балетом, поставленным в Москве за последние 25 лет.

Светлана ЛЕПЕШКОВА

— Дмитрий Александрович, почему вдруг вы открыли свой театр?

— Ну, это не вдруг. Эта идея у меня была всегда. Малые формы — одноактные балеты и хореографические миниатюры — самое естественное состояние для балета (они не нуждаются в сюжетах), но, к сожалению, наша публика к ним не приучена.

— Что вам интереснее ставить — классику или модерн?

— Меня может вдохновить все, что угодно. Услышал, например, музыку Питера Габриэля, музыка понравилась, и потом долго мучился — что же поставить? И поставил «Саломею». Никакой системы. Или вдруг проснулся — и осенило. А иногда работаешь с утра до ночи — и все по нулям. Туп, как сибирский валенок, понимаешь, что надо с этим завязывать, что твоя профессия — другая!!

— ??

— Кабинет главного балетмейстера — далеко не арсенал положительных эмоций. Сюда прибегают с криками: «Помоги! Спаси! Сделай! Реши!» Жуткие стрессы, дикое напряжение, раздражение... Часто говорят, что с творческими людьми очень сложно общаться, что они неуравновешенные, что их всех надо сразу сажать в дурдом. А все безумно просто. У них просто результат работы выходит не такой, как они ожидали! Внутри у них красота несказанная, а снаружи что-то не получается. Вот и начинается — неудовлетворенность, нервы. А все думают: «Ох, он ко мне плохо относится!» Да ни к кому он плохо не относится — он к себе плохо относится!

— Как вы строите взаимоотношения в труппе?

— Безусловно, все наши актеры — люди талантливые от Бога. Есть, правда, два-три исключения, но о них говорить не буду. В конечном итоге они уйдут из театра или в бизнес, или еще куда-нибудь. Например, один парень у меня начал прекрасно делать кухни — столарить. Зарабатывает хорошие деньги и, говорят, нарасхват. А другая — ест, пьет, красивая сидит, жизнь из нее прет, к ней подойти страшно! Я ей говорю: «Что ты мне и себе нервы мотаешь? Иди отсюда —

Дмитрий БРЯНЦЕВ:
Я ДОЛЖЕН БЫЛ СТАТЬ ЛЕТЧИКОМ

«Каждый артист — это штучка!» С Майей Плисецкой

Единственное, чего я себе желаю, — не здоровья, нет: счастливого случая. Ведь на «Титанике» было много людей здоровых, но не было счастливого случая.

что ты глотаешь пыль за эти копейки? Это — не твоё!» Она и ушла. И стала работать кассиршей и радоваться жизни.

Каждый артист — это штучка! Когда все хорошо, когда у них все получается — они замечательны. И они страшны, когда ты что-то делаешь поперек. Они тут же вешаются в твоё горло мертвой хваткой — потому что ты не даешь им сейчас того, чего им ХОЧЕТСЯ! Потому что они привыкли удовлетворять себя абсолютно во всем — в жизни, в сексе, в выпитом, в съеденном, в выкуренном, в творчестве — это и есть богемное начало.

— Вы своих артистов ругаете?

— Так могу отгрохотать, что мало не покажется. Просто когда ты грохочешь, нельзя никого унижать при всех. Ты можешь на всю труппу ругаться, но человека унижать нельзя. Хотя, в принципе, если один на один, да еще с мужиком, я могу ему всыпать, да так, что шерсть полетит. Любовь с ненавистью очень близки. Любишь, любишь, а он вошел, да как брякнул что-то у тебя в кабинете, и у тебя в глазах потемнело. И тут же: «Убью, урод!!!» Потом успокаиваешься, понимаешь — почему он так поступил. Ты же понимаешь, что он интригует только для того, чтобы получить в творчестве вот это. Он же не из-за колбасы! Он хочет больше в творчестве!

— Знаю, что вы рано занялись танцем.

— Танцами меня заразили еще в детстве, в пионерском лагере. Педагог сказал: «Давай-ка я поставлю эту мазурку на тебя». Меня нельзя хвалить, это мне противопоказано. А она меня похвалила. И я тут же заболел танцами. Поступил в хореографическое училище практически без всякой протекции. И начал учиться, и через три дня понял, что это совершенно не моя профессия. Поставили лицом к стенке, дали в руки палку и сказали: «Тяни ноги», — а на фигу мне это надо! Мне говорят: «Ты же так хотел на сцену!» Я говорю: «Я думал, так и будет. А тут совсем другое». Так начались мои мучения.

По распределению попал в Москву, в труппу Игоря Моисеева «Молодой балет». У нас был при-

дворный ансамбль при Министерстве культуры СССР. Мы размещались на четвертом этаже, а на третьем было балетмейстерское отделение. Я все время бежал вниз и подрабатывал там — мы же были нищие. Потом декан увидел: там, где танцует Брянцев, вроде как интереснее. Он мне и предложил: «Поступай-ка к нам на балетмейстерское». Меня взяли, три раза выгоняли (меня отовсюду по три раза выгоняли) — за профнепригодность и хулиганство. Хулиганства, конечно, не было, но я поссорился с руководителем коллектива Ждановым. Но чтобы выгнать с четвертого курса института — надо было бы по крайней мере взорвать Мавзолей.

Остался.

— Вы живете в гармонии с собой?

— Я живу как живу. Но огромное количество людей это раздражает, потому что я живу достаточно независимо. Единственное, чего я себе желаю — не здоровья, нет: счастливого случая. Ведь на «Титанике» было много людей здоровых, но не было счастливого случая.

— Впечатление, что ваше творчество очень оптимистично — с непременным хэппи-эндом?

— Сейчас я собираюсь ставить «Бэмби». Можно было бы сделать достаточно сексуальную историю с убийствами, с отстрелом, с издевательствами охотников, но я не хочу этого. Я хочу, чтобы дети пришли и увидели, что никого не убивают. Чтобы при виде опутанного сетями оленя мама могла сказать ребенку, что оленя уводят в зоопарк. У него все равно будет чувство трагедии, ведь Бэмби останется один. Но не с кровью в песок. Посмотрите наше ТВ: все друг друга мочат со страшной силой.

— А у вас есть дети?

— Вот недавно родился Ванька. Сейчас ему восемь месяцев.

— Вы бы хотели, чтобы он пошел по вашим стопам?

— Я бы не хотел, чтобы он занимался балетом. Он должен обладать сумасшедшим талантом, чтобы стать кем-то, либо не заниматься этим вообще. Я до той поры, пока меня не отдали в хореографическое училище, всем говорил, что буду только летчиком. И если бы это зависело от меня — я

бы стал только летчиком. У меня не было альтернативы.

— Как вы воспитываете своего Ваньку?

— Я бы хотел, чтобы он родился лет на тридцать раньше. Тогда я бы точно знал, что делать. Сейчас — нет. Ему 8 месяцев, а у меня в театре 18-летние артисты! Ваня пока, как таракан, становится на четвереньки и бежит. Раз! — смотрю у него уже электрический провод во рту! У него еще только два зуба, но я уже не успеваю за ним! Но меня не это, честно говоря, пугает. С ним я рано или поздно договорюсь. Меня волнует другое. СПИД, та же наркота. Изолировать от общества ребенка нельзя! Я покурив марихуану впервые, когда мне было 18 лет в зимнем лагере училища, — кто-то притащил ее на танцы. Вонюча! Противно! Я разозлился: «Да пропадите вы все пропадом с этой гадостью!» И все.

— Как вы думаете, почему наши политики так любят посещать балетные спектакли?

— Они ведь балет не любят. Им просто надо по имиджу иметь какое-то отношение к классическому искусству. Идти на симфонию Малера — еще, не дай бог, заснешь невзначай. Идти слушать оперу — ну совсем тоска зеленая. А тут вроде и голенькие, и бегают все, веселятся, ну может, не веселятся, но какой-то калейдоскоп перед глазами, а в то же самое время и музыка серьезная. «Лебединое озеро». Чайковский! Классика! Балет для них эмоционален, доступен, сексуален. Политики же в этом отношении тупые. У них весь секс ушел в политику, как у бизнесменов — весь секс уходит в деньги.

— В каком возрасте впервые нужно отводить ребенка на балет?

— Балет балету рознь. Смешно, конечно, его вести в два года. Надо вести в тот момент, когда он уже становится управляемым и не будет орать на весь зал: «Ой, мама, смотри!» Он уже должен понимать, что идет в общественное место. Я с ужасом вспоминаю эти коллективные походы в театр классом — все болтают, бегают, шуршат фантиками. Другое дело, например, с мамой.

— Скажите, вас вдохновляет любовь к женщине?

— Я уже вырос из того состояния, когда то, что происходит, называют любовью. Любовь — это когда ты добр и готов все что угодно сделать для другого человека. У нас считается: если мы кого-то любим, то нужно узурпировать этого человека, подчинить, заставить. Но то, что многие называют любовью, — это просто секс. Когда секс перестает владеть вами, начинаются кухонные разборки.

— А что надо делать, чтобы скорородки не выгеснили любовь?

— Любовь убить нельзя! Можно убить похоть, влечение, но если во мне есть любовь, то как вы можете ее убить во мне? Вот, например, любимая говорит: «Ты знаешь, ты прости меня. Но у меня появился Вася. Я не знаю, что делать». Я спрашиваю: «Тебе с ним хорошо? Если хорошо — иди к Васе. А если тебе станет с ним плохо, то я тебя всегда буду ждать обратно... Если бы я ее не любил, я бы так не сказал. Это — любовь. А когда так: «Где была? У Васи? Щас я тебе!!!» — «Что??? Да ты мне???» И начинается «Дежурная часть». Вот и все.

— А что для вас важнее — любить самому или быть любимым?

— У меня были разные периоды. Слова: «Я самодостаточный, мне никто не нужен» — чушь. Если тебе никто не нужен, наступает смерть.

— Что вы еще любите в этой жизни кроме балета?

— Лошадей, горные лыжи, рыбалку, подводную охоту. И еще теннис.

— Какой самый главный поступок вы совершили в жизни?

— Бросил курить. 12 лет тому назад. А до этого курил по две пачки в день. Рожденные слепыми никогда не курят. Знаете почему? Потому что они не хотят кислородную гадость брать в рот. Люди курят не потому, что им нужен никотин. А потому, что срабатывает рефлекс ритуального действия — достал сигарету, зажег, выпустил дым. Руки чем-то заняты, глаза и голова тоже. Я от этого отвык.

— Можно считать, что вы человек без вредных привычек?

— Иногда я позволяю себе покурить сигару. Это бывает раза два в месяц, когда приходят друзья. Но я не курю взятжку.